

Актуальные проблемы юридического и гуманитарного образования

О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

А. В. Карабыков

Старая истина гласит: все познается в сравнении. Чтобы усвоить новые знания, человеку требуется соотнести их с тем, что уже известно, и вписать таким образом в свою интеллектуальную систему. Этот тезис имеет особое значение в практике преподавания иностранных языков и, в частности, вышедшего из активного употребления латинского языка студентам не филологических специальностей. Естественно, что применительно к латинскому ближайшим объектом сравнения должен быть русский язык как родной для большей части аудитории. Более того, рассматриваемые языки в грамматическом устройстве имеют ряд фундаментальных и частных сходных черт. Поскольку у студентов юридического вуза владение родным языком часто имеет «стихийный», теоретически не осознанный характер, необходимость сопоставления возрастает. Практика показывает, что в большинстве случаев обучаемые не замечают даже основных точек пересечения грамматических систем этих языков.

Начиная разговор о каком-либо «участке» латинской грамматики, я предлагаю студентам вспомнить то, что им известно из соответствующего раздела грамматики русского языка. В случае затруднения помогаю им сделать это, бегло систематизируя относящиеся к теме занятия сведения. Убедившись, что знание восстановлено (как правило, оно ограничивается рамками школьного курса русского языка), перехожу к объяснению параллельного фрагмента латинской грамматики, заостря внимание аудитории как на точках пересечения, так и на местах расхождения двух грамматических систем. В тех случаях, когда объясняемому явлению в ла-

тины более близкими оказываются факты других иностранных языков, знакомых студентам, полезно проводить параллели и с ними. Подчеркнем, что предварять объяснение латинской грамматики следует с обращения к системе родного, т.е. русского языка. Это максимально естественно и доступно для русскоязычной аудитории*. С сугубо же грамматической точки зрения, оправдано сопоставление латинского с любым известным студентам индоевропейским языком. Проведение таких параллелей способствует не только (и не столько) усвоению основ самой латинской грамматики, но и современного (обычно, английского или немецкого) языка, который изучается в вузе. Кроме того, подобные операции стимулируют развитие навыков системного мышления у обучаемых.

Рассмотрим, как реализуются на практике сформулированные выше положения. Так, начиная анализировать склонение существительных, я прошу студентов вспомнить понятие склонения как такового и затем кратко восстановить систему русского склонения. Затем провожу параллель с латинской грамматикой, начиная со сходств и переходя к различиям.

Проведя сопоставление на системном уровне, я продолжаю обращаться к русскому языку и при изучении отдельных частных позиций, например, падежных и числовых форм. Начиная с анализа системы падежей, отмечая вначале, что названия большинства русских падежей являются переводом соответствующих латинских терминов (*nominativus* — именительный и т.д.). Затем объясняю специфические моменты латинской системы:

1) *ablativus* — соответствует русскому творительному, предложному и родительному падежам в значении удаления с предлогами *из, от, с* // лат. *ab* (*a*), *de*, *ex*. Аналогии с родительным падежом должен предшествовать краткий экскурс в падежную семантику. Студенты должны убедиться на понятных примерах, что падежные формы имеют, как правило, несколько значений;

2) *vocativus* — «звательный», использующийся в обращениях (ср. соответствующие архаические и подобные им формы в русском языке: *отче, старче; пап, Вася* и др.).

Говоря об особенностях отдельных падежных форм, указываю, в частности, на два момента, связанных с существительными среднего рода:

а) окончание «а» во мн. числе им. и вин. падежей всех типов склонения. Аналогичное окончание в этих позициях мы наблюдаем и в русском языке (*verbum* — *verba*; *animal* — *animalia*; *cornu* — *cornua* // слово — слова, поле — поля);

б) совпадение форм им. и вин. падежей в ед. и мн. числах. Аналогичное явление мы наблюдаем и в русском языке, но здесь оно охватывает также все неодушевленные существительные муж.р. 2-го склонения и 1-го склонения во мн. числе:

Animal pulchrum est — *Video animal pulchrum*.

Животное красиво — Вижу красивое животное.

Дом мал для нас — Строим большой дом.

Особенно уместными межъязыковые сопоставления оказываются при объяснении системы форм латинского глагола. Рассматривать эту систему я начинаю со сравнительного обзора грамматических категорий латинского и русского глаголов:

Грамматич. категории	Русский глагол	Латинский глагол
наклонение	+	+
время	+	+
лицо	+	+
вид	+	—

Далее следует объяснить, что отсутствие категории вида «компенсируется» в латинском языке категорией времени. То же самое явление можно наблюдать в английском или немецком языках. Этим объясняется широкая разветвленность в них временных форм.

Приведя образец словарной записи глагола (*orno, ornavi, ornatum, orpare*), говорю, что все личные формы этой части речи образуются от двух типов основ. От основы инфекта производятся формы, обычно переводимые на русский язык глаголами несовершенного вида; от основы перфекта производятся формы, переводимые на русский язык глаголами совершенного вида. В процессе объяснения необходимо остановиться на самой категории вида: преподаватель должен убедиться,

что аудитория умеет различать с помощью вопросов глагольные формы обоих видов.

Затем я представляю студентам схему системы форм, образуемых от основы инфекта, в ее соответствии английскому и немецкому языкам:

лат. яз.	<i>Praesens</i>	<i>Imperfectum</i>	<i>Futurum I</i>
англ. яз.	<i>Present</i>	<i>Past</i>	<i>Future</i>
	<i>Indefinite</i>	<i>Indefinite</i>	<i>Indefinite</i>
нем. яз.	<i>Präsens</i>	<i>Präteritum</i>	<i>Futur I</i>

Переходя к рассмотрению системы форм, образуемых от основы перфекта, также уместно установить параллели с изучаемыми иностранными языками:

лат. яз.	<i>Perfectum</i>	<i>Plusquamperfectum</i>	<i>Futurum II</i>
англ. яз.	<i>Perfect</i>	<i>Past Perfect</i>	<i>Future perfect</i>
нем. яз.	<i>Perfekt</i>	<i>Plusquamperfekt</i>	<i>Futur II</i>

Особо важную роль опора на межъязыковые сопоставления играет при объяснении латинской системы причастий. Дело в том, что студенты очень часто плохо ориентируются в этом грамматическом «участке» даже русского языка. Между тем причастные формы весьма активны в латинских текстах юридического характера. Начинать анализ рассматриваемой системы следует с определения причастия как такового. При этом нужно подчеркнуть специфическое для русского языка разделение причастных и деепричастных форм, выделить основные типы причастий в зависимости от залога и вида. Когда опорное знание восстановлено, имеет смысл закрепить его путем проведения релевантных аналогий с изучаемым иностранным языком.

После такой предварительной работы я перехожу к анализу латинского причастия. Во-первых, студентам демонстрируются случаи морфологического соответствия между языками. На этом этапе обучаемые овладевают навыками правильного перевода латинских причастий посредством подбора их русских аналогов:

accusans — обвиняющий (обвинявший) — *accusing* (англ.)

accusatus — обвиненный (обвиняемый) — *accused* (англ.)

Затем анализу подвергается случай несовпадения между языковыми системами. Студенты учатся описательному переводу специфической для латыни причастной формы будущего времени действительного залога (*participium futuri activi*):

accusaturus — собирающийся обвинять (обвинить) — *(be) going to accuse* (англ.)

Разумеется, возможности методически-эффективного применения межъязыковых аналогий вовсе не ограничиваются рассмотренными выше примерами. В той или иной степени и форме этот при-

ем должен предварять анализ любой области латинской грамматики. Являясь одним из основополагающих принципов методики преподавания иностранного языка, использование межъязыковых сопоставлений приобретает особую значимость в современных условиях. Вследствие снижения уровня теоретической подготовленности в области русского языка студенты, изучающие латынь, все чаще нуждаются в экспликации и объяснении, казалось

бы, очевидных явлений. Только с учетом этого факта процесс обучения латинскому языку может стать по-настоящему осмысленным и потому успешным.

* См.: *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. М., 2003. С. 5.

НРАВСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н.И. Ривера

Человечество немислимо без нравственных исканий и сомнений, без духовной жизни и борьбы, оно постоянно находится, как говорил Р. Барт, в процессе неустанного созидания смысла. Носителем этого предназначения является интеллигенция. Своеобразие русской интеллигенции как феномена национальной культуры, не имеющего буквальных аналогов среди «интеллектуалов» (понятие, в основном, профессиональное) Западной Европы, заключается в ее высокой духовно-нравственной позиции. Иными словами, «русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование»¹. Так как интеллигенция выполняет социальную функцию прямого субъекта духовного производства, обязательным условием для ее представителей является не только обладание высокоразвитым интеллектом, но и высокой духовностью и нравственностью. Отсюда вполне закономерно рассмотрение ее как носителя высших духовных ценностей параллельно православному духовенству².

Несмотря на значительное меньшинство, интеллигенция всегда была авторитетным и влиятельным демократическим слоем, самой мыслящей частью общества, генерируя роль создателя, подвижника и проповедника культуры. Отсюда и повышенная моральная ответственность за происходящее. «Русский интеллигент — это прежде всего человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности — народ, общество, государство»³.

Доминирующей чертой русской интеллигенции является, по словам Н.А. Бердяева, «верховен-

ство совести»⁴. Совесть — этическая категория, характеризующая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. «Именно совесть показывает, что достигнут качественный скачок в нравственном развитии личности — моральная автономия, моральное право ориентироваться, оценивать, судить себя, достигнута глубокая моральная рефлексия»⁵. Во многих европейских языках «совесть» этимологически значит «совместное знание»; в русском языке оно происходит от слова «ведать» — знать. Концепт «совесть» в русской духовной культуре хорошо определен в словаре В. Даля: «Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития»⁶. Таким образом, совесть выступает моральным саморегулятором, представляя собой своеобразный сплав рационального осознания нравственного значения совершаемых действий и эмоционального переживания. Она наиболее остро выражает ощущение моральной удовлетворенности или неудовлетворенности. Совесть — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед людьми, обществом. Но форма этого осознания такова, что они выступают как долг и ответственность челове-